

рей попытался встать на занемевшие ноги; он изо всех сил старался принять непринужденный вид). Эти глаголы и краткие прилагательные с модальным значением в силу обобщенности значения нуждаются в его конкретизации, которая реализуется в основном за счет одной формы зависимого слова — формы инфинитива. Чем более отвлеченно и неопределенно лексическое значение вспомогательного глагола, тем более он сливается с инфинитивом, выражая лишь модально-временное значение сказуемого; чем самостоятельнее значение, тем больше возможности у второго компонента занимать самостоятельную синтаксическую позицию.

В статье проанализированы сочетания глаголов с инфинитивом в объектном значении. Такие глаголы обслуживают грамматическое значение предложения и сохраняют основные свои свойства как лексические, так и грамматические, т. е. обнаруживают функцию самостоятельного члена предложения — простого глагольного сказуемого. Эти глаголы в большинстве своем входят в состав семантического поля глаголов психической деятельности человека. Инфинитив в функции дополнения выражает здесь объект мысли, чувства, побуждения, отношения и т. п. субъекта и другого объекта — одушевленного лица.

Инфинитив как форма глагола в данной синтаксической позиции сам обладает валентностью и в свою очередь может распространяться второстепенным членом с обстоятельственным или объектным значением, выраженным формой существительного или инфинитива, образуя самостоятельную конфигурацию предложения.

<sup>1</sup> Русская грамматика. — М., 1981, т. 1, с. 41.

<sup>2</sup> Иллюстративный материал взят из повестей П. Проскурина «В старых ракетах», «Черные птицы», «Полуденные сны». — Роман-газета, 1983, № 1.

<sup>3</sup> Пешковский А. П. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956, с. 338.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. — М., 1976, с. 74—77.

<sup>6</sup> См.: Располов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970, с. 51—53; Юрченко В. С. Типы сказуемого. — Русский язык в школе, 1973, № 4.

<sup>7</sup> Лекант П. А. Указ. раб., с. 77.

<sup>8</sup> В «Русской грамматике» они отнесены к глаголам с объектным значением (с. 41). См. также: Располов И. П. Указ. раб., с. 225.

Б. Ю. НОРМАН

## ЛЕКСИЧЕСКИЙ СТИМУЛ И СТРУКТУРА ПОРОЖДАЕМОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Процесс порождения текста включает в себя несколько стадий, которые в самом общем виде могут быть сведены к этапам внутренней и внешней речи. Последние термины были введены в лингвистический оборот Л. С. Выготским. Он неоднократно подчеркивал вербальную природу мышления: мысль «не выражается в слове, но совершается в слове», ее можно сравнить с «нависшим облаком, которое проливается дождем слов»<sup>1</sup>. Значит ли это, что основным, центральным звеном в процессе перехода от внутренней речи к внешней является выбор лексем? Или, в иных терминах, можно ли утверждать, что программирование высказывания означает прежде всего актуализацию фрагментов лексической системы и выбор соответствующих номинаций?

Речевая практика дает нам множество свидетельств того, как лексика в процессе порождения высказывания актуализируется и материализуется в звуковом сегменте еще до того, как выбрана синтаксическая структура высказывания (наиболее характерны такие примеры для устной спонтанной речи). Вместе с тем, нередко встречается и обратный случай: когда синтаксис высказывания (или хотя бы его фрагмента)

говорящим уже выбран, а лексика запаздывает, или поступает на выход, но не та, что требуется. Обе ситуации приводят к явлениям так называемой гезитации (колебаний) в речевой деятельности, воплощающимся в паузах, самообрывах, перестройках, использовании субститутов и т. п. Но в целом материал наблюдений не дает однозначного ответа на вопрос о соотношении единиц разных языковых уровней в процессе порождения текста: эта проблематика требует специального исследования.

С данной целью нами был проведен психолингвистический эксперимент. Информантам (лицам обоего пола в возрасте от 17 до 25 лет со средним образованием, для которых русский язык является родным) были розданы индивидуальные задания с идентичным текстом: «Придумайте по одному предложению на каждую тему: «лес», «старость», «школа», «вышивание», «старт». Общее число испытуемых — 200 человек, в итоге было получено  $200 \times 5 = 1000$  высказываний. Ответы по каждой теме сводились в отдельный протокол и затем статистически обрабатывались.

Подчеркнем, что формулировка заданий включала в себя названия тем, но не задавала конкретной лексики будущих высказываний — от испытуемых требовалось: «Придумайте предложения на тему...», а не «Придумайте предложения со словами...». Поскольку же для темы естественна номинативная (субстантивная) формулировка, то с данной целью и были подобраны 5 существительных, по возможности различных в семантическом отношении.

Характерно, однако, что в подавляющем большинстве случаев испытуемые восприняли название темы как буквальный лексический стимул. Как правило, в ответах-высказываниях присутствовала либо сама заданная лексема, либо словообразовательно связанное с ней (родственное) слово. В абсолютном исчислении результаты эксперимента выглядят следующим образом (см. таблицу).

| №      | Тема      | Стимул | Дериват | Перифраза |
|--------|-----------|--------|---------|-----------|
| 1      | лес       | 172    | 3       | 25        |
| 2      | старость  | 152    | 33      | 15        |
| 3      | школа     | 149    | 28      | 23        |
| 4      | вышивание | 121    | 60      | 19        |
| 5      | старт     | 161    | 11      | 28        |
| Итого: |           | 755    | 135     | 110       |

В графе таблицы «Стимул» представлено количество ответов-высказываний, буквально воспроизводящих слово-стимул в той или иной грамматической форме (пример из протокола 1: *Хорошо зимой в лесу!*). Графа «Дериват» отражает количество ответов со словами, производными от того же, что и слово-стимул, корня (пример из того же протокола: *Лесник обходит свои владенья*). Наконец, графа, условно обозначенная как «Перифраза», указывает на количество ответов, не содержащих ни слово-стимул, ни его дериваты (пример из того же протокола: *Под деревьями — сырость и мрак*).

Еще более наглядны количественные данные в относительном исчислении. Суммарный процент высказываний, содержащих непосредственно слово-стимул или его дериват, составляет весьма высокую и стабильную величину; для отдельных протоколов он равен: 1.  $87,5 \pm 2,3 \%$ ; 2.  $92,5 \pm 1,8 \%$ ; 3.  $88,5 \pm 2,2 \%$ ; 4.  $90,5 \pm 2,0 \%$ ; 5.  $86,0 \pm 2,4 \%$ . Доверительные границы этой доли для генеральной совокупности (при уровне значимости 0,05) составят соответственно: 1. 82,8—92,2 %; 2. 88,8—96,2 %; 3. 84,0—93,0 %; 4. 86,4—94,6 %; 5. 81,1—90,9 %. Если исследо-

вать полученные высказывания с позиций актуального членения, то, как и следовало ожидать, слово-стимул попадало обычно в их тематическую (а не рематическую) часть. Причем нередко эта часть имела вид вокабулы, разъясняемой во второй, рематической части (ответы типа: *Лес — наше богатство, Старость — печальная пора жизни; Школьные годы чудесные!* и т. п.).

Значителен в ответах удельный вес буквальных или приблизительных цитат. Приведем часть примеров, полученных в ответ на тему «лес» (протокол 1): *Леса и воды — краса природы; Дальше в лес — больше дров; Как волка ни корми, он все в лес смотрит; Я из лесу вышел — был сильный мороз; В лесу родилась елочка; А лес стоит загадочный...* и даже: *Унылая пора! Лесов очарованье!* и т. п. Такие фольклорные и литературные реминисценции хранятся в памяти носителя языка в качестве своего рода полуфабрикатов высказываний и автоматически актуализируются (целиком!) в условиях подходящей речевой ситуации. Можно полагать, что особенно интенсивно протекает этот процесс тогда, когда речевая ситуация является искусственно созданной, т. е. не включает в себя конкретной референтной ситуации. В подобных случаях, по В. А. Звегинцеву, мы имеем дело не с настоящим высказыванием, а с псевдопредложением<sup>2</sup>; именно таковой была ситуация в эксперименте.

Таким образом, первый вывод, основанный на результатах эксперимента, сводится к тому, что заданное слово (стимул) уже само по себе до известной степени предопределяет выбор лексем для порождаемого высказывания. Если же учесть круг устойчивых синтагматических и парадигматических ассоциаций данного слова, то влияние последнего на формирование лексической структуры высказывания следует признать весьма значительным.

Каковы же синтаксические характеристики полученного в ходе эксперимента материала? Отсутствие для испытуемых условий нормальной речевой ситуации привело к тому, что синтаксис порождаемых высказываний отличался чрезвычайным разнообразием. В частности, слово-стимул в полученных ответах встречается в роли подлежащего, дополнения (прямого и косвенного), определения, обстоятельства (разных разрядов), сказуемого, обращения.

Естественно, в ходе эксперимента информанты стремились сэкономить речевые усилия (да и общий коммуникативный опыт навязывал свои вероятностные ограничения на длину и структуру фразы), поэтому число простых предложений в ответах почти в три раза превышает число сложных (соответственно 73 и 27 %, при средней ошибке, равной примерно 1,4 %). По отдельным протоколам (темам) доля простого предложения испытывает заметные колебания, связанные, возможно, с семантической разнородностью заданной лексики: 1.  $79,5 \pm 1,3$  %; 2.  $64,5 \pm 1,5$  %; 3.  $78,0 \pm 1,3$  %; 4.  $76,0 \pm 1,3$  %; 5.  $65,0 \pm 1,5$  %. Подавляющее большинство полученных в эксперименте простых высказываний ( $89 \pm 1,0$  %) относится к двусоставным личным структурам, что подтверждает характеристику последних как наиболее типичных представителей предложения вообще и псевдопредложения в частности. Что же касается использованных синтаксических моделей предложения (структурных схем), то искусственность коммуникативных условий, в которых находился испытуемый, не позволяла надеяться на проявление каких-либо содержательных закономерностей в их применении. Действительно, все пять протоколов демонстрируют большое разнообразие структурных схем (независимо от того, какую систему их описания и исчисления принимать за исходную — ср., в частности, известные опыты систематизации синтаксических моделей русского языка, предпринятые Н. Ю. Шведовой и Г. А. Золотовой<sup>3</sup>). Единственная закономерность в использовании структурных схем, которую можно обнаружить в полученном материале, сводится к неодинаковой частоте употребления этих схем. Хотя частотностная иерархия синтаксических моделей

до сих пор исследовалась только при помощи методики непосредственного наблюдения (сплошного обследования текстов или словарей), наши данные не противоречат известным результатам<sup>4</sup>.

Сказанное позволяет сделать второй вывод: лексический стимул чрезвычайно слабо прогнозирует синтаксическую структуру порождаемой фразы. В связи с этим следует напомнить, что одна из распространенных психолингвистических моделей основывается на понимании речевой деятельности как марковского (стохастического) процесса. Согласно данной концепции, появление каждого нового элемента в речевой цепи обуславливается предшествующим элементом. Но указанная модель, применимая (с оговорками) к формированию лексической структуры высказывания, не способна охватить процесс порождения фразы в целом<sup>5</sup>. Действительно, правила лексической сочетаемости предписывают слову главным образом его ближайшего «партнера», да и то, в среднем, с невысокой степенью обязательности. К примеру, вероятность того, что лексема *туча* вызовет в языковом сознании лексему *слышать*, а та, в свою очередь, лексему *радость* и т. д. (*Он кричит — и тучи слышат радость в смелом крике птицы* — М. Горький), невелика — и на этом основан один из эффектов художественного текста.

По экспериментальным данным известно, что если задать испытуемому несколько лексем, то ему легче составить предложение с каждой из них, чем подыскать сочетаемостные «мостики», которые бы объединили эти слова в рамках одного (простого) предложения<sup>6</sup>. Более того, даже если предъявить носителю языка *все* лексемы, образующие данную фразу, но представить их при этом в условном (например, алфавитном) порядке и условной (словарной) форме, то процесс восстановления фразы наталкивается на значительные трудности. Более высокий или более низкий коэффициент восстановления будет зависеть от ряда факторов: длины высказывания, синтаксических функций входящих в него лексем и т. п.<sup>7</sup>. В то же время, как показал еще в 60-е годы Н. И. Жинкин, синтаксическая модель в ходе экспериментов с порождением или воспроизводством высказывания появляется в сознании информанта сразу, как единое целое, по принципу «все или ничего»<sup>8</sup>.

Все эти наблюдения и данные экспериментов приводят к общему заключению о том, что процесс перехода от внутренней к внешней речи или, точнее, от этапа замысла к этапу программирования начинается не столько с подбора лексем, сколько с выбора некоторого конструктивного ядра, содержащего в себе максимально обобщенный смысл будущего сообщения. Этот смысл сводится к обозначению типовой ситуации, а типовая ситуация составляет содержание структурной схемы. Вот теперь мы можем сформулировать важное для нас положение: переход от замысла к программированию высказывания в грамматике говорящего начинается с выбора синтаксической модели (структурной схемы). И если на этапе замысла говорящий имеет дело с единицами предметно-изобразительного кода (соотносящимися через систему понятий с языковой системой), то на этапе программирования синтаксическая модель, образуемая определенным количеством и качеством позиций типа «субъект», «объект», «адресат», «инструмент» и т. п., непосредственно опирается на языковые категории.

Более подробное обоснование тезиса о примате синтаксических моделей в процессе порождения текста может идти по трем направлениям, которые здесь будут только намечены:

1. Задача говорящего в общем виде заключается не в том, чтобы назвать предмет, а в том, чтобы передать смысл (включающий в себя отражение референтной ситуации и способ ее представления). Именно поэтому деятельность говорящего нацелена на высказывание; слово же по самому своему статусу не может отразить целую ситуацию.

2. Высказывание начинается там, где появляются признаки внешне-речевой организации замысла. Иными словами, коммуникативная единица должна обладать определенной структурой, обеспечивающей

адекватную передачу замысла (слово не может гарантировать последней в силу исключительной сложности, нежесткости лексической системы).

3. Синтаксическая модель — это психическая реальность, заключающаяся в активизации комплексов нервных структур и в образовании на базе единиц данного языкового уровня динамических стереотипов.

<sup>1</sup> Выготский Л. С. Собр. соч.— М., 1982, т. 2, с. 305, 356.

<sup>2</sup> См.: Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи.— М., 1976, с. 185.

<sup>3</sup> См.: Русская грамматика. Синтаксис.— М., 1980, т. 2, с. 92—98, 237—383 и др.; Золотова Г. А. К типологии простого предложения.— Вопросы языкознания, 1978, № 3, с. 51.

<sup>4</sup> См.: Караева М. С., Товарова И. С. Некоторые данные по частотности синтаксических единиц современного русского языка.— Ученые записки Азербайджанского педагогического института иностранных языков имени М. Ф. Ахундова. Серия XII, язык и литература, 1967, № 4; Белокриницкая С. С. Объектные синтагмы и синтагмиды в русском языке.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1967. М., 1968; Станковий Б. Интерференција у предикатским синтагмама руског и српскохрватског језика.— Београд, 1979.

<sup>5</sup> См.: Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания.— М., 1969, с. 47.

<sup>6</sup> См.: Розет И. М. Психология фантазии.— Минск, 1977, с. 135.

<sup>7</sup> См.: Роговой Б. С. Лингвopsихологические эксперименты с деграмматизированными текстами.— В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965, с. 117.

<sup>8</sup> См.: Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи.— Вопросы языкознания, 1964, № 6, с. 33.

А. В. ВАЯХИНА

## СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ НЕПОЛНОТЫ И НЕЗАКОНЧЕННОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проблема неполного предложения всегда вызывала оживленные споры среди языковедов. В современной лингвистике отсутствует единство взглядов на критерий эллиптичности предложения. Такой критерий видят в смысловой стороне предложения, в его формальной стороне (нарушении грамматической связи между главными членами), в обеих сторонах вместе взятых, в возможности передачи одной и той же информации более экономичным способом, в нестабилизированности формально неполносоставной конструкции. Каждый из этих критериев безусловно не является достаточным для определения такого сложного понятия как эллипсис. В настоящее время среди синтаксистов все более утверждается взгляд на эллипсис не как на «опущение», «нарушение», «пропуск», а как на оппозицию «развернутая структура» / «неразвернутая структура»<sup>1</sup>.

Неполное предложение представляет собой особый вид регулярной реализации структурной схемы предложения. Формальным показателем эллипсиса является наличие в предложении подчиненных форм при отсутствии подчиняющих или наличие подчиняющей формы, обладающей обязательной сочетаемостью, как грамматической, так и лексической, при отсутствии подчиненной формы. Учет обязательной сочетаемости позволяет определить структурный минимум той или иной синтаксической конструкции. Поэтому нарушение этой сочетаемости становится сигналом эллиптичности предложения.

Контекстные связи предложения определяют значимость не только обязательной, но и факультативной сочетаемости. Позиция, факультативная в изолированном предложении, может быть обязательной для предложения, взятого в определенном контексте, особенно в том случае, когда в факультативной позиции сосредоточен полностью или частично коммуникативный центр высказывания, его рема. Таким образом, контекстуальные связи и отношения также являются важным критерием эллиптичности.

Следует заметить, что эти же факторы выделяются нами в качест-